

Воздух в заброшенном саду, казалось, окончательно застыл от ледяного холода, который внезапно начал источать Сяо Чэ, — холода, способного заморозить саму душу.

Сухая пожелтевшая трава дрожала под порывами пронизывающего северного ветра, подхватывающего обрывки писем и кружащего их, словно неприкаянные души. Редкие снежинки начали опускаться на землю, оседая на ресницах Се Цинъяня и принося с собой обжигающий холод.

Шэнь Янь был по-настоящему напуган. Мало того, что этот человек передвигался бесшумно, так еще и страх, доставшийся ему от прежнего владельца тела, заставлял его самого дрожать от ужаса.

— Отдай, — голос Сяо Чэ не был громким, его даже можно было назвать спокойным, но в нем слышалась гнетущая, не допускающая возражений тяжесть, подобная обрушивающейся горной вершине. Каждое слово звучало как тяжелая ледяная игла, вонзающаяся в промерзшую землю.

Он протянул руку ладонью вверх. Его четко очерченные пальцы слегка подрагивали на ветру, а взгляд, прикованный к пожелтевшим листьям в руках Се Цинъяня — листьям, хранившим память о его самом позорном прошлом, — был подобен взору, устремленному на заклятого врага.

Сердце Се Цинъяня бешено колотилось в груди, глухие удары отдавались в ушах, грозя разорвать барабанные перепонки.

Он видел бушующий шторм в глазах Сяо Чэ — ярость от того, что его тайну раскрыли, убийственную ненависть от того, что обнажили его самое постыдное прошлое, и еще кое-что... растерянность и потерю контроля человека, чья самая темная и уязвимая сторона оказалась полностью выставлена напоказ перед «старым знакомым» — пусть даже в глазах этого знакомого не было ничего, кроме страха и обиды.

Се Цинъянь ни на секунду не сомневался: стоит ему хоть на мгновение замешкаться или проявить непокорность, как в следующую же секунду этот разъяренный, потерявший рассудок лев разорвет его на куски.

Он глубоко, с усилием вдохнул обжигающе холодный воздух, подавляя подступивший к горлу привкус крови. Не колеблясь и не выказывая испуганного трепета, он с пугающим спокойствием — с той решимостью, какая бывает, когда жребий уже брошен, — вложил стопку бумаг, хранивших летопись мрачного детства императора и его застывшую в ненависти память, в протянутую, слегка дрожащую руку Сяо Чэ. В этом движении сквозила странная, почти смиренная покорность.

Сяо Чэ, очевидно, не ожидал такой готовности и на мгновение замер.

Едва кончики его пальцев коснулись ледяной, хрупкой бумаги, он сжал ладонь так, словно его

обожгло невидимым пламенем.

От чрезмерного усилия суставы пальцев побелели, и хрупкие листы в его кулаке издали едва слышный жалобный стон.

Он опустил голову, и его взгляд, подобный отравленному клинку, скользнул по верхнему листу, где детским, но четким почерком было выведено слово «маленький монстр». Лицо Сяо Чэ мгновенно помрачнело, словно чернила, разливающиеся по бумаге, а исходящая от него аура ярости заставила температуру вокруг упасть еще ниже.

— Хорошо... очень хорошо! — Сяо Чэ процедил сквозь зубы слова, голос его звучал пугающе низко и хрипло, скрывая в себе бурю, способную разрушить всё вокруг. — Се Цинъянь, я недооценил тебя! Надо же, перерыть этот уголок, похожий на Холодный дворец, чтобы выкопать такую дрянь из прошлого! Что же? — он резко поднял глаза, и его острый, как у ястреба, взгляд, пропитанный ядом и оскорбленным достоинством, вонзился в бледное, прозрачное лицо Се Цинъяня. — Рассчитываешь с помощью этих обрывков показать всему миру, как я, будучи ничтожным маленьким монстром, взобрался на этот трон? Хочешь стяжать для своего рода Се славу верных и добродетельных, заодно позволив всем посмеяться надо мной?! — он сделал шаг вперед, и мощное давление заставило Се Цинъяня едва ли не задохнуться. — Или ты хочешь вечно напоминать мне, сколько процентов я должен выплатить твоему роду за те несколько лепешек, брошенных мне когда-то, как нищему?! А?!

Едкая ненависть и неприкрытое унижение хлестали, словно кнут, смоченный в соленой воде. Слуги, стоявшие поодаль, уже давно были в ужасе — они повалились на колени, вжимаясь лбами в ледяные плитки пола и дрожа, как осиновые листья, не смея даже вздохнуть.

Се Цинъянь же под этим шквалом оскорблений и давления чудом выпрямил спину.

Он должен спасти себя. Теперь он — Се Цинъянь, и он не может умереть!

Белоснежный меховой воротник лисьей шубы делал его лицо еще более бледным и прозрачным, словно хрупкий хрусталь, готовый разбиться от любого прикосновения.

Но в его глазах, после первых вспышек испуга и боли, проступило странное, почти сострадательное спокойствие. Он не сломался под гнетом императорского гнева, а наоборот, решительно сделал шаг вперед, сокращая дистанцию, и бесстрашно встретил взгляд, в котором бушевало пламя ярости.

Под пристальным, испепеляющим взглядом Сяо Чэ, Се Цинъянь медленно поднял свои тонкие, слабые руки.

Его пальцы, длинные и четко очерченные, сейчас были удивительно тверды, словно в них таилась какая-то тихая сила. Кончики пальцев замерли в воздухе на мгновение, как тишина перед началом музыкальной пьесы, а затем, с четким и размеренным ритмом, он начал

двигаться.

Это не была мольба о пощаде, не было оправдание или гневное обвинение.

Он сложил пальцы правой руки вместе и, опустив их вниз, с тихой уверенностью коснулся левой стороны груди, слегка склонив голову — это был жест самоидентификации, знак присутствия и ответственности. Затем он развел ладони перед грудью изнутри наружу, медленно и решительно, словно отворял тяжелую дверь, и прямо, с ясным взглядом, посмотрел Сяо Чэ в глаза — это означало видеть, видеть истину, видеть страдания.

Затем он сжал левую руку в кулак, словно осторожно что-то поддерживая, а указательным и средним пальцами правой руки несколько раз быстро постучал по нему сверху — это было сочетание образов дождя и падения: холодного, бесконечного, несущего беду. После этого он опустил правую ладонь вниз, медленно перемещая её перед собой, и его взгляд опустился вслед за рукой, исполненный глубокого сострадания и тяжести — это означало множество людей, страдающих в грязи.

Движения его были неспешными, но плавными и твердыми, каждый жест был наполнен весомой силой, бьющей по душе.

Холодный ветер сада трепал широкие рукава его халата и пряди рассыпавшихся черных волос. Под свинцово-серым небом луч бледного солнца пробился сквозь облака, упав на его бледное лицо и руки, которые, порхая на ветру, пытались передать людское горе. В этот миг его хрупкая фигура в глазах Сяо Чэ обрела какую-то почти священную сосредоточенность и сострадание, словно безмолвный Будда, рассказывающий о страданиях всех живых существ.

Вся ярость и язвительная насмешка Сяо Чэ странным образом застыли перед этой безмолвной, но потрясающей речью.

Он не сводил глаз с порхающих пальцев Се Цинъяня. Эти движения, обладавшие странным, проникающим в самую душу ритмом, вбивали каждое беззвучное, но тяжелое, как гора, слово в его сознание, переполненное гневом и стыдом.

Се Цинъянь не останавливался.

Казалось, он не чувствовал онемения и холода в руках, не ощущал давления императорского взгляда.

Он согнул большой и указательный пальцы правой руки, изящно изобразив круг, и приложил их к губам, имитируя прием пищи — это был знак еды. Затем он изобразил такой же круг левой рукой у живота, после чего развел обе руки в стороны ладонями вверх, выражая беспомощность и нехватку — это означало отсутствие пропитания.

Затем он скрестил руки на груди, плотно обхватывая себя, тело его слегка съежилось, зубы непроизвольно закусил нижнюю губу, а в глазах отразилась пронзительная боль — это был холод, пробирающий до костей.

Наконец, он поднял правую руку, указательным пальцем с почтением указал на небо, обозначая Сына Неба, а затем сложил ладони вместе под подбородком, глядя на Сяо Чэ с мольбой и печалью, как самый верный последователь, просящий богов о милости — это был жест обращения к Его Величеству.

Череда жестов, текучая, как вода, сложилась в безмолвную, но потрясающую картину, способную заставить содрогнуться даже самое черствое сердце: Я видел. Бесконечные зимние дожди и снега, многие люди страдают. Нет еды, они голодают. Холод пробирает до костей, жизни на волоске. Прошу Ваше Величество проявить милость к народу.

Он просил за людей, выживающих в снежной буре в окрестностях столицы! Этими руками, которые когда-то писали слова ненависти, а когда-то дарили тепло, он здесь, среди руин, где только что выкопали самое постыдное прошлое императора, самым безмолвным, самым смиренным, но в то же время самым оглушительным образом взывал к справедливости!

Сяо Чэ замер.

Пальцы, сжимавшие письма, непроизвольно разжались, и несколько пожелтевших листов, словно лишившись опоры, опустились на землю. Гнев и мрачность на его лице сменились огромным изумлением и недоверием — это было состояние человека, чье мировосприятие рухнуло.

Он ожидал от Се Цинъяня чего угодно — испуганных слез, полного ненависти взгляда, отчаянного молчания или истерических обвинений... но только не этого!

Этот немой, которого он силой притащил во дворец, считая врагом или игрушкой, этот человек, которого он только что унизил самыми ядовитыми словами, не утонул в собственном страхе и ненависти, не использовал письма как оружие, чтобы ударить в ответ, а здесь, в разрушенном, пронизанном ветром саду, изо всех сил взывал к нему, тирану, за тех, на кого он никогда не смотрел, за тех, кто был для него не важнее муравьев!

Это было абсурдно! Смешно! Непостижимо!

И в то же время... это было подобно тяжелому молоту, который с грохотом обрушился на его ледяное, заросшее терновником сердце!

Он смотрел на чистые, до самого дна, глаза Се Цинъяня, сейчас наполненные лишь состраданием и мольбой, смотрел на эти руки, порхающие на холодном ветру, и впервые почувствовал всю низость, узость и ничтожность собственной души! Весь накопленный гнев и унижение под этим взглядом вдруг показались такими... жалкими.

— Ты... — кадык Сяо Чэ с трудом дернулся, он хотел что-то сказать, но голос его прозвучал сухо и хрипло, словно терся наждачной бумагой.

Он резко отвел взгляд, словно обжегшись этим слишком ясным и сострадательным взглядом, словно не желая больше погружаться в те бушующие волны, что поднялись в его душе от этого безмолвного совета.

Он почти поспешно, неуклюже наклонился и грубо сгреб с земли разлетевшиеся письма, сжимая их в кулаке вместе с теми, что уже были у него, словно желая стереть их в порошок, и развернулся, собираясь уйти.

— Передайте мой указ! — его шаги затихли у покосившихся ворот заброшенного сада. Он не обернулся, голос его снова обрел императорскую холодность и властность, но в нем стало меньше ярости и больше решимости. — Немедленно открыть государственные амбары в Западном саду, развернуть три пункта раздачи каши! Приказываю помощнику министра финансов лично проконтролировать ход раздач помощи! Всё зерно должно быть чистым и в достаточном количестве! А если кто-то из чиновников будет бездельничать, затягивать помощь или воровать зерно... — он замолчал, и его голос, подобный ледяному клинку, отчетливо прозвучал над безмолвным садом: — Принесут мне свои головы!

Холодный приказ быстро разнесся по ветру. Фигура Сяо Чэ, словно хищник, растворяющийся в тени, исчезла за разрушенными воротами, оставив после себя лишь беспорядок в саду, падающие снежинки и... Се Цинъяня, который в этой мертвой тишине все еще застыл с последним жестом мольбы, бледный, как бумага, словно израсходовавший все свои силы.

Он медленно, с огромным трудом опустил свои онемевшие от холода руки и, обессиленный, тяжело прислонился к холодной грубой стене колодезного сруба.

Рубашка на спине давно пропиталась холодным потом, прилипая к коже, и каждый порыв ветра приносил с собой ледяную дрожь.

Он знал, что в этот миг танцевал на стальной проволоке над бездонной пропастью.

Он поставил на кон то, что глубоко внутри сердца Сяо Чэ, скованного ненавистью и властью, возможно, еще теплилась искра воспоминаний о том давнем тепле, инстинктивное стремление к званию мудрого правителя и еще не угасшая человечность.

И, кажется, он выиграл. Люди, возможно, получат шанс на спасение.

Цена была в том, что он полностью открыл себя взору императора, не оставив ни путей к отступлению, ни прикрытия. Последний взгляд Сяо Чэ был сложным, как бездна, и от него по спине пробежал холод.

Он устало закрыл глаза, и длинные ресницы отбросили на бледное лицо хрупкую тень. В глубине сада несколько побегов жимолости, несмотря на завывающий ветер, упорно покачивались, сохраняя крупицу зелени — хрупкую, но полную поразительной жизненной силы.

Снег беззвучно падал, покрывая обрывки писем, хранивших тяжелое прошлое, словно пытаясь временно скрыть всё, что было невыносимо.

Лишь бы выжить, лишь бы выжить...

<http://bllate.org/book/20749/2080018>